

Родился в 1994 году в подмосковной Коломне. Окончив среднюю школу, поступил в один из московских университетов и переехал в столицу, где в настоящее время живу, учусь и работаю. По основной профессии — педагог, по неоконченному высшему образованию (сейчас учусь на 4-ом курсе) — спортивный менеджер. Сферу профессиональной и учебной деятельности специально выбирал отдалённую от поэзии, чтобы работа и учёба не мешали любимому ремеслу. На данный момент не выпустил ни одной собственной книги, но имею несколько публикаций в различных литературных журналах и сборниках.

Являюсь одним из создателей и руководителей литературного проекта «#РЦЫ!», который функционирует с весны 2015 года в Москве.



Курим — изящно и самовлюблённо.
 Проспектами полдень. В бокалах вино.
 Роскошная жизнь обросла монотонном
 За каждой стеной.

По окнам грустит не родившийся «кто-то»,
 Затоптанный город ревёт и звенит.
 Вчера лучший друг пристрастился к наркотикам;
 И я вместе с ним.

Ещё один Бог оказался бездарен,
 Ещё один гений покончил с собой.
 А мы безнадежно себя коротаем
 Под жухлой листвой.

На свет неизвестных планет, ротозеи
 Глядят со своей высоты каблуков.
 Я был им товарищем, даже соседом;
 Теперь не знаком.

Царапая руки в небесных осколках,
 Мы тщетно пытались разгадывать быт.
 Приписанный к самым бессмертным и стойким,
 Сегодня — увы.

Замёрзший бульвар. Ледяные аллеи.
 Вздываются россыпи пёстрых витрин.
 И город скукожится и заболит
 Часам к девяти.

А после — в постель одинокое тело,
 Размытое полночью едкой луны...
 Мы тоже бываем один раз в неделю
 Немного больны.

Октябрь 2013 г.

ВЕНЕРА РОЗЕНТАЛЬ

Саксофонист, насилуя луну,
 Мешал уснуть окраинам планеты.
 Проклятием весны он затянул
 На шейном шёлке галстук фиолета.

Стонал в руках изласканный металл,
Меллодией грома грудные стены.
Не плачь, моя Венера Розенталь,
Что я не вымер в ледниках вселенной.

Осатанившись жухлой бородой,
Ансамблем струн кромсая перепонки,
Седой старик делил себя на «до»
И «после» вечеров у барной стойки.
Гитарный обаятельный оскал,
Протёртый плащ, но звёздочные бусы.
Не верь, моя Венера Розенталь,
Что я губам твоих трагедий струсил.

Слепой маэстро, вырывая вальс
Из чёрно-белой радуги рояля,
Взъерошивал навзрыд зрачки у вас —
Хронически промозглых и усталых.
Он гаммами октав изнемогал
На грани грандиозной атрофии.
Танцуй, моя Венера Розенталь,
Как самая великая стихия!

Вскрывая вены лезвием смычка,
Прокуренный скрипач с улыбкой дикой,
В громадных, лакированных очках
Стеснительно, но ласково мурлыкал.
Зудел по швам заштопанный хрусталь
В дворцах порабощённых иглокожих.
Встречай меня, Венера Розенталь,-
Я у твоих таинственных подножий.

Ещё вчера могли предстать петлёй
Обугленные сквозняками шторы.
Тотальной катастрофой, для неё
Я преклонил непокоримый город.
Пощёчины. Два мира в номинал.
Разврат истерик в обручальный узел, но
Восход. Моя Венера Розенталь
И нежно замирающая музыка...

Март 2014 г.

КОТЁНОК

Взахлёб доминирует серый пигмент.
В ларьках облучаются ржавчиной розы.
Столица десятка отборных планет
Приветствует самых ничьих и бесхозных.

Надкусанным ухом прильнул к суете.
Молочная шерсть окровавлена в рыжий.
Кошачий младенец сквозь трещины стен
Клянётся себе обязательно выжить.

Столбы монолитовы так высоки,
Что небо под ними гнусавет и гнётся,
Но детской надеждой стучится в зрачки
Такое большое, пушистое солнце.

Расшит по комфортам квартирный курорт.
Глумятся изысками фрески рекламы.
А грязный, голодный ребёнок зовёт
Родную свою, но распутную маму.

Навзрыд колоссальным надрывом рассвет
Ехидно скрипит за неоновой плёнкой,
Бросая десяток холодных планет
Громадной, ненужной вселенной котёнку.

Он хищно знобит за кварталом квартал
Под рёв каблуков и визжанье кроссовок,
Где мир с новым заревом в старых местах
Чужими палитрами перерисован.

Опять не сумев никого отыскать,
Он жалким, беспомощным зверем свернётся
В ничтожный клубок, и клыкастый закат
Предательски высмеет глянцевым солнцем.

По-дружески вылизут полчища блох,
Теплом убаюкает жерло подвала...
А утром дремучими джунглями ног
Он снова приступит разыскивать маму...

СТОН

Прохожий взгляд; роскошный стон;
И ты в постели куришь с ней,
Без уточнения имён,
Не по любви, а по весне.

Вполне к беседе сладкий чай;
Отдышкой нежный пульс минут.
Пальто, мобильный и «прощай»;
Сюжет — исчерпанный отнюдь.

Заполонив собой метро
На тщетно следующий день,
Вы сдали жизненный синдром
Всё той же тошной суете.

В запой картавых автострад
Протяжный город снова стух.
На дёснах дыбится закат,
И, спровоцировав мету,

Отыскиваешь телефон
И назначаешь визави.
Вторая встреча; робкий стон
Не по весне, а по любви.

Март 2015 г.

СОСЕДИ

*Хочешь, я убью соседей,
Что мешают спать? (Л. Гурченко)*

Я по ночам бужу соседей;
По трубам призываю жить.
Мы незнакомы, - делим стены
И снашиваем этажи.

Соседи морщатся и терпят.
А я из душного окна
Смотрю, как планетарный вертел
Прожаривает будни нам.

В бетонном томном переплётё
Штудирую цепное дно.
Ты — сотворяешься на фото,
Где без меня и не со мной.

Сквозь ретушь трафаретных кадров
И костюмированный свет,
Не ощущаюсь кровожадно
И ухожу в себя — ржавею.

А в плесневеющем абзаце
На спальной полке спальных книг,
Я обещал не пресмыкаться;
Не пресмыкаюсь — не достиг.

Полиграфично, сладко бредит
Понурый утопичный быт.
Метафоры моих соседей
На стульях коротают пыль.

Дышу. Выслушиваю стены,
Как обезвожено из них
Сочится пустота свершений,
Журчит тщедушь тишины.

На фото — пышных и красивых —
С тобой, вполне обнявшись, кто
Роскошной призме объектива
Костюмом/ростом/бородой.

Любуюсь вами; в крайней мере
Разбить настырный монитор.
Я Солнце взревновал к Венере
Без космоса причин на то.

Застолье стен. Бутылка люстры
Со льдами остальных светил.
Сопит не стонами, а хрустом
Соседский акт гнусавых жил.

Листаю фото. Сонный, бледный.
Дышу хронический покой.
И, всё же, я убью соседей
За то, что с ними не знаком.

Ночь 31 марта — 1 апреля 2015 г.

Бушует абажурное журчание морей,
И город изгоняется из гнойных губ заката.
И мы сидим, заманчиво примкнувшие к стене;
А этих стен повсюду — не придумать многократней.

Занудным сквознякам сюда с наруж не проскользнуть;
И цитрусовый свет встречается в шоколадный сумрак.
Исчерпывая чай, в котором сахар ни к чему,
Пожалуйста, — ты только просыпаться не подумай.

Ремесленник обычного людского волшебства
Меня во мне сегодня окончательно истратит.
Уже в июль ветшает громогласная листва,
Но эта преждевременность из тех, что очень кстати.

Не сокрушай хрустальный воздух трепетом ресниц,
Вникая в неумелый поцелуй колючей люстры.
Но лишь от леденящих излучений не проснись, —
С восходом суеты
ещё успеется проснуться.